

Винницкий государственный педагогический университет
им. М.М. Коцюбинского

Областной институт последипломного образования
педагогических работников

Винницкое общество русской культуры "Русь"

К 200-летию
со дня рождения
А.С. Пушкина

А.С. ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы
Винницкой областной
научно-практической конференции
28-29 мая 1999 года

Винница - 1999

Т.М. Пустовит
(Винницкий областной художественный музей)

ОТРАЖЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ А.С. ПУШКИНА НА СОБСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ ЕГО СОЧИНЕНИЙ

Исключительное место А.С. Пушкина в русской литературе - и шире в русской культуре было осознано уже современниками поэта. Завершая XVIII век, А.С. Пушкин открывает все главные темы века XIX: давно уже обнаружены пушкинские мотивы в творчестве Гоголя и Лермонтова, Фета и Полонского, Толстого и Достоевского, - и далее, в веке XX, у Блока и Пастернака... Народ и царь, война и мир, личность и государство - невозможно даже перечислить важнейшие проблемы, поставленные Пушкиным перед русской мыслью и русским искусством словно на вырост: послепушкинская литература никогда не существовала без оглядки на родоначальника. Из многообразия тем особо выделяется одна - тема Поэта. Никто из современников Пушкина не писал так много в стихах и прозе именно о поэте, о его доле, о его отношениях с миром и с самим собой. Тема эта существует, разумеется, лишь в контексте всего пушкинского творчества, в изменении и движении его поэтического сознания.

Важнейший вопрос, всерьез поставленный в начале нашего века, это вопрос об автобиографизме творчества Пушкина. Одни (В. Ходасевич, М. Гершензон) склонны были видеть в творчестве Пушкина прямое отражение фактов его биографии. Другие (В. Брюсов, Н. Пересаев) считали творчество Пушкина принципиально не связанным с его жизнью собранием поэтических шедевров, безличных по существу. Разводя названных исследователей по разным полюсам, С.Франк в статье "О задачах познания Пушкина" утверждает единство духовной личности поэта, единство его духовного опыта.

Всепостигающий ум Пушкина, его поэтический гений открыты всем впечатлениям действительности. Среди них находят место идеи и образы его собственной поэзии, которые выступают как бы отраженными в ее зеркале. В такие моменты он обращается мыслью к своему искусству, склоняется в размышлении над его идеями-образами, таящими в себе особенно богатые философско-этические стимулы для чувства и фантазии поэта. Дважды преломленные "магическим кристаллом" искусства, эти отражения отражений драгоценны как образные формы воплощения идей, мотивов, тем и сюжетов, наиболее дорогих и близких душе поэта.

Сквозь художественную ткань многих произведений Пушкина, как сквозь прозрачную призму, воочию выступает связь двух сторон феномена искусства у поэта: с одной стороны, вдохновенный труд художественного созидания, с другой - критерий истины и гармонии в художественном

творении. Этот возвышенный критерий поэт неизменно прилагает к собственному труду, и он же служит залогом верного суждения о художественном труде вообще. Акт искусства и акт его сознания художником встречаются. Сливаясь и взаимно освещая друг друга, они наделяют гений Пушкина гармоническим сочетанием артистической и интеллектуальной силы, пронизывающим все стороны его отношения к искусству, и, в частности, к собственному творчеству.

Нетрудно выделить в наследии поэта места, где прямо говорится о его поэтическом труде. Он оставил несколько описаний самого процесса творчества. В ранних стихах вдохновенный певец ("Когда сменяются виденья//Перед тобой в волшебной мгле// И быстрый холод вдохновенья//власы подымлет на челе..." - "Жуковскому", 1818) соседствует с ленивцем, небрежно марающим бумагу, а потом жгущим свои творения. Романтический Поэт, собеседник Книгопродавца, описывает творчество следующим образом:

И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова...
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом...

Через год с небольшим Пушкин противопоставит восторг и вдохновение. "Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии, - пишет он, возражая Кюхельбекеру. - Критик смешивает вдохновение с восторгом... Восторг непродолжителен, непостоянен, следовательно, не в силах произвести истинно великое совершенство (без которого нет лирической поэзии)... Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого" (5, с. 89).

Два типа творчества представлены Импровизатором и Чарским. Для итальянца "не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению; Чарский, когда "находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение)", "запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи". Сказать "дрянь" вместо "вдохновение" - значит подчеркнуть несовпадение своего словаря (а, следовательно, и понимания) с романтизмом. А вдохновение Чарского описано так, что напоминает прямые признания Пушкина. Например, в "Египетских ночах": "Чарский погружен был душою в сладостное забвение, ... и свет, и мнения света, и его собственные причуды для него не существовали". В стихотворении "Осень":

Я забываю мир - и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем...

Итальянец творит на людях, и его наряд "заезжего фигляра" оказывается вполне уместным, когда Импровизатор выходит на подмостки. Пушкинский поэт ищет уединения:

Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Здесь рождается гармония; потом "принятые в душу и приведенные в гармонию звуки надлежит внести в мир" (2, 164).

В духе пластической классической образности Пушкин прямо выводит на сцену свою Музу как олицетворение собственного искусства. Поэзия двадцатилетнего поэта проникнута, по его признанию, "божественным дыханием Музы". В написанном за полгода до смерти "Памятнике" его Муза, как и в годы юности, послушна "велению божию". В обоих случаях поэт говорит, собственно, об одном и том же: художественной истине созданий своего гения. Муза в пушкинской символике - всегда выражение объективно необходимого ("божественного"), независимого от воли поэта и причуд его фантазии, реального содержания жизни, отраженного в зеркале искусства и в "гимнах важных", и в идиллической поэзии природы, и в чувственной "унылой элегии", и в легкой поэзии наслаждения в духе традиций французского XVIII века. Внушения Музы направляют воспоминания поэта к дорогим сердцу картинам природы - на склоны тригорских холмов, под липовые сени садов Царского села. Муза оборачивается в его стихах то духом народной поэзии - "наперсницей волшебной старины", то чистой памятью ранних дней, исцеляющей страдания души, то даже заветной "чернильницей" поэта, не таящей в себе ни измены, ни лести, ни тайной злобы, то певичей "свободы гордой", внушающей поэту "гимны смелые".

Но образом Музы не исчерпываются случаи отражения пушкинской поэзии в зеркале его творчества. Многие в наследии поэта не прямо, а косвенно говорят об отношении Пушкина к своему художественному труду. Здесь путеводной нитью могут служить те доминирующие идео-образы, которые уже упоминались. Вокруг них, как вокруг смысловых "узлов" или нервных "центров", кристаллизуется поэтическое созерцание поэта, возникает род "средоточий", тяготеющих друг к другу произведений, набросков, отрывков. Таких внутренних связей между отдельными произведениями у Пушкина много больше, чем внешне организованных циклов. При всем их разнообразии эти идейно-тематические, образные циклические единства группируются, по существу, вокруг главного предмета мысли, чувства, совести поэта - идеала высокого искусства. Начало высшей духовности, совершенного артистизма подчиняет своей власти все без исключения творения и замыслы поэта - законченные во

всей полноте, только задуманные, кратко намеченные, записанные начерно для себя, начатые, но оставленные по разным причинам. Среди них находятся необходимые элементы, позволяющие более полно и рельефно представить взгляд Пушкина на собственный художественный труд как меру и критерий искусства.

Великому поэту была в величайшей мере свойственна скромность. Он, пожалуй, только однажды (в письме другу) признался, что был доволен собой, когда читал вслух себе самому в Михайловском законченного "Бориса Годунова", восклицая: "Ай да Пушкин, ай да сукин сын!" - хлопая в ладоши. Самого себя в пример другим он никогда не ставил. Но истинная суть вещей была ясна ему не менее, чем была ему дорога человеческая скромность как принцип достоинства личности. Поэтому невысказанное сознание всеобщего значения собственного искусства не могло оставаться скрытым для светлой, пронизательной мысли поэта. И свидетельства этому, хотя и косвенные, могут быть найдены только в образной, художественной форме.

Однако известны и прямые высказывания, мысли, замечания поэта по поводу собственных сочинений. Как критик своего творчества, Пушкин ограничивался большей частью попутными, мимолетными замечаниями в письмах друзьям и заметках, оставшихся в рукописях. Можно сказать, что его "автокритику" приходится собирать по крупицам. И это ни в чем не умаляет пронизательности, точности, остроты каждого его замечания. Чаще всего он сопровождает их намеком на известные корреспонденту или читателю обстоятельства, шуткой, насмешкой над ходячим мнением, иронией по поводу недальновидных суждений друзей или предвзятых - врагов. Рассуждать в духе всезнающего мудреца, с невозмутимой серьезностью, тем более о том, что касается его самого, Пушкин решительно не способен. Задумав оспаривать своих критиков во всеоружии логических доводов (как было в 1830 году в Болдине), он бросает дело на полдороге, оставляет замысел незавершенным. Подобная судьба постигла, в частности, комментарий, который он намеревался написать к "Борису Годунову". Ни одна из попыток завершить начатые наброски предисловия к трагедии не доведена Пушкиным до конца. И если у него были на то веские основания, одну из причин нельзя не видеть в органическом нерасположении, прямом отвращении поэта к работе пером в подкрепление собственных творческих акций.

Самоуглубление для Пушкина всегда означало не углубление в себя, не самопознание, а углубленное познание мира, и оно необходимо выливалось либо в художественную, либо в иную так или иначе объективную форму. Пушкин был лириком, эпическим поэтом, повествователем, историком, мемуаристом, но меньше всего интерпретатором самого себя или своих творений, однажды отлившихся в окончательную поэтическую форму. Тем не менее, отдельные его

суждения и брошенные мимоходом замечания дают удивительно много для понимания художественных идей и эстетических воззрений поэта. Они поражают своей прозорливостью, доставляя мысли читателя пищу для новых сопоставлений, анализа и размышлений над сказанным в немногих словах.

Вольность и бескорыстие взгляда Пушкина на свое творчество таит в себе меру содержания прекрасного в адекватной ему форме, иначе меру искусства вообще как непосредственного образа действительности, несущего в мир чувство удовлетворения многообразным - и радостным, и горестным - явлением бытия.

Трудно не согласиться с В. Белинским, для которого Пушкин был гениальным человеком, "которому его верное и глубокое чувство, или, лучше сказать, богатая субстанция открывает истину везде, на что он ни взглянет" (1, с. 155). И действительно, явление истины всегда оставалось ареной применения интеллектуальных сил пушкинского гения, его безошибочного духовного прозрения. Истина неизменно служила пробным камнем художественного сознания поэта, поэзия - высшей самодовлеющей целью его созданий.

1. Белинский В.Г. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 6, М., 1987.
2. Блок А.О. О назначении поэта. - Блок А. Собр. соч., т. 6, М., - Л., 1962.
3. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин., Л., 1982.
4. Пушкин. Материалы и исследования., т. IV, М., - Л., 1962.
5. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. М., 1987.

Н.В. Сурайкина (ВГПУ)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФОНОСЕМАНТИКОЙ ПУШКИНСКОЙ СТРОКИ

О языковом мастерстве А.С. Пушкина написано достаточно, однако исследование его произведений продолжается, так как гениальные творения дают материал для нового прочтения как по содержанию, так и по форме. Современные методы изучения, особенно различные эксперименты с применением приборов и компьютерной обработки данных, позволили по-новому оценить звуковую гармонию пушкинского стиха.

СОДЕРЖАНИЕ

I. А.С. ПУШКИН - ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

	стр.
1. О.П. Кадочников. "Духовные ориентиры в творчестве А.С. Пушкина".	5
2. И.И. Илюхин. "Пушкин и русская культура"	8
3. Н.С. Степанов. "Смеховой мир Александра Пушкина". К постановке проблемы.	10
4. А.М. Боян. "Отражение эволюции художественного метода А.С. Пушкина в образе лирического героя".	12
5. И.В. Рыбинцев, Р.А. Рыбинцева. "Путешествие в Арзрум" А.С. Пушкина".	15
6. А.А. Повомарев. "Проблема "русского бунта" в понимании Пушкина".	20
7. В.С. Ратников. "Обновление способов репрезентации реальности в творчестве А.С. Пушкина (на примере диалоговой формы репрезентации в драме "Борис Годунов")".	23
8. Л.А. Кадочникова. "Преодоление обмирщения в лексике стихотворения "Отцы пустынноики" А.С. Пушкина".	26
9. Л.Н. Розанова. "Здравомыслие Пушкина как противоядие от утопий".	28
10. Т.М. Пустовит. "Отражение взглядов Пушкина на собственное творчество в зеркале его сочинений".	33
11. Н.В. Сурайкина. "Из наблюдений над фоносемантикой Пушкинской строки".	37
12. О.Е. Белинская. "Период в поэтической речи А.С. Пушкина".	41
13. И.Л. Загужная. "Стилистическое использование фонемы в поэзии А.С. Пушкина".	46
14. Л.Г. Моспанок. "Изучение творчества А.С. Пушкина на уроках детской литературы в педучилище".	50
15. М.М. Кралин. "И угодить еще как будто рано..."	53

II. ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА В МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

1. М.В. Козлов. "О некоторых традициях А. Пушкина в поэзии И. Бунина".	70
2. А.В. Стебелев. "Пушкинские аллюзии в творчестве Л. Ахматовой".	73
3. О.В. Килдр. "Пушкинские мотивы в творчестве Ю.В. Друниной".	76
4. М.Г. Харьков. "Маяковский и Пушкин".	80
5. А.В. Игушева. "Пушкин и Бродский".	84
6. Н.Н. Степанова. "Какое счастье, что у нас есть Пушкин!"	89
7. Н.Н. Поздняков. "Пушкин - радуга по всей земле".	91
8. Т.В. Тыщук. "Сказки Пушкина в контексте мировой литературной сказки 1-ой трети 19 столетия".	94
9. Г.В. Яковенко. "Вірш О. Пушкіна "Півець" в перекладі В. Стуса" (До проблеми перекладу вокальних творів)	101

III. А.С. ПУШКИН В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ И КРАЕВЕДЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

1. Л.И. Лесовая. "Пушкин и Брюллов".	104
2. В.Д. Безруков. "Пушкин и Рахманинов".	106
3. А.В. Плютцкая. "Пушкин в Тульчине".	111
4. Г.Н. Смолякова. "Пушкин и Подолье".	115
5. В.С. Мазурик. "Политический радикализм в первой четверти 19 века".	117
6. Г. Мовчанюк. "Полтава О. Пушкіна і романтичні поеми інших слов'янських літератур".	119

Приложение.

Стихи виницких авторов, посвященные А.С. Пушкину и его 200-летию юбилею	122
---	-----